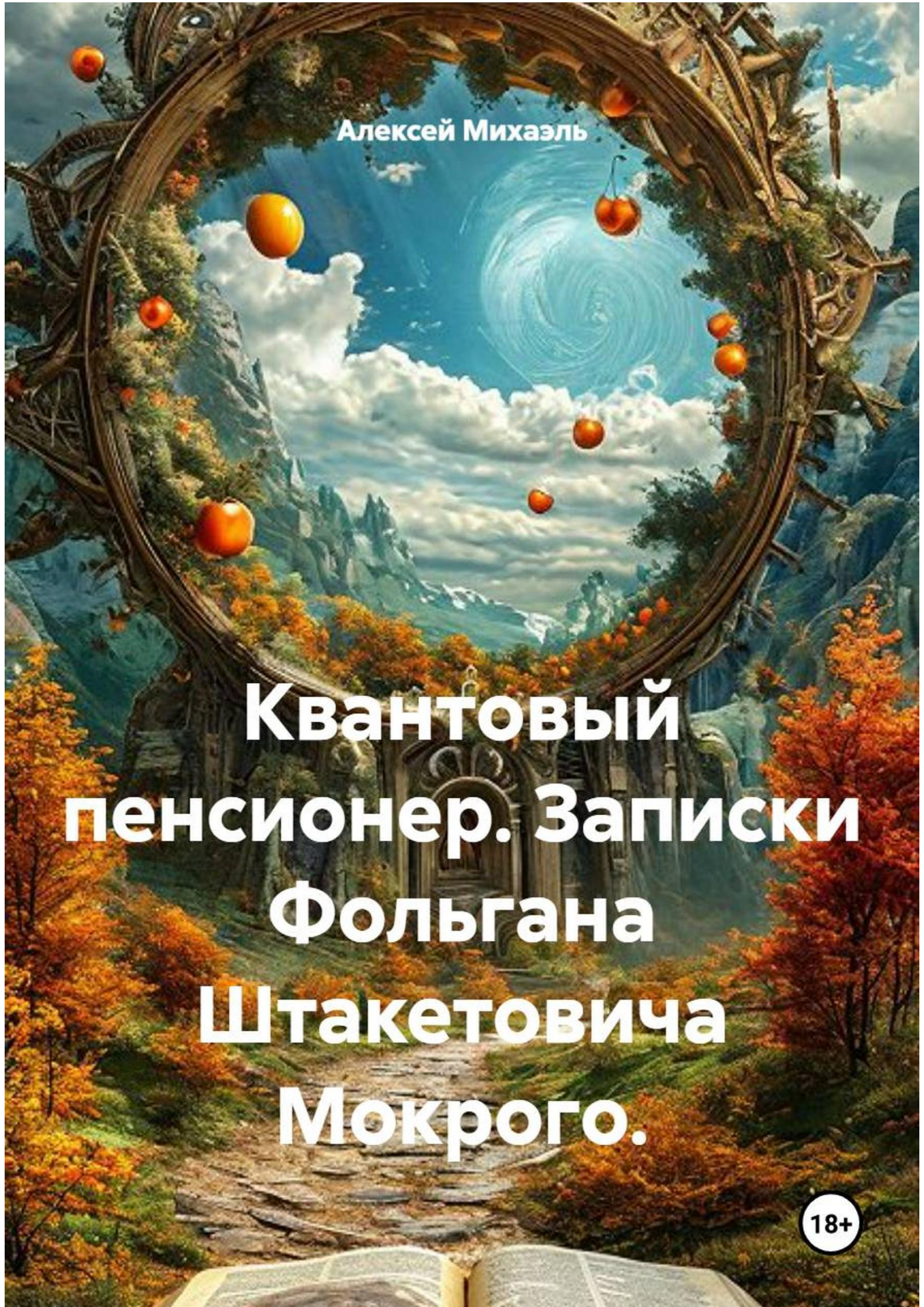

Алексей Михаэль

**Квантовый
пенсионер. Записки
Фольгана
Штакетовича
Мокрого.**

18+

Алексей Михаэль

**Квантовый пенсионер. Записки
Фольгана Штакетовича Мокрого.**

«Автор»

2026

Михаэль А. в.

Квантовый пенсионер. Записки Фольгана Штакетовича Мокрого. /
А. в. Михаэль — «Автор», 2026

Эта книга — не инструкция по успеху и не классический эзотерический трактат. Это зеркало. Если читатель чувствует раздражение от бездействия Фольгана Штакетовича Мокрого — значит, он всё ещё бежит на красный свет и ждёт свой жёлтый автобус. Если при чтении внутри наступает тишина и расправляются плечи — значит, резонанс состоялся, и яблоко уже падает. Это не просто сборник историй, а трёхуровневую спираль, где каждый следующий том является фрактальным разветвлением предыдущего. Он содержит весь предыдущий путь, но перекодирует его на более высоком уровне осознания. Текст закончен не тогда, когда дописана последняя глава, а когда он перестаёт быть нужным как костыль

© Михаэль А. в., 2026

© Автор, 2026

Алексей Михаэль

Квантовый пенсионер. Записки

Фольгана Штакетовича Мокрого.

КВАНТОВЫЙ ПЕНСИОНЕР

ЗАПИСКИ
ФОЛЬГАНА ШТАКЕТОВИЧА МОКРОГО

Трёхуровневая спираль пробуждения

ТОМ I

просыпаясь в глубине сна, я вижу будущее в настоящем.
Ф.Ш.М.

ЭТО НЕ ПРОСТО СБОРНИК ИСТОРИЙ.

Это трёхуровневая спираль. Каждый следующий том не продолжает предыдущий — он включает его в себя на новой глубине, как фрактал включает целое в каждой своей части.

Том 1 — человек перестаёт бежать на красный и обнаруживает, что яблоки падают сами, если не искать их.

Том 2 — он осознаёт, что лепит реальность не действиями, а состоянием.

Том 3 — он передаёт это как код, который можно прочесть в древних текстах, но который всегда был о тишине внутри.

Вместе это инструкция по пробуждению внутри сна.

Вы прочитаете не одну историю. Вы пройдёте один путь — трижды, каждый раз глубже. И если на первом круге вы узнаете себя, на втором — поймёте механику, а на третьем — вам уже не понадобятся слова.

Только тишина.

Для тех, кто устал бежать за палкой. И готов просто быть.

Спокойно. Наслаждайтесь.

Эти истории не учат жить. Они просто показывают, как один человек, которого зовут Фольган Штакетович Мокрый, переставал *ломаться*, переставал бегать и начал жить. Если вы узнали себя — радуйтесь. Если нет — значит, вы ещё не дошли до точки, где красный свет становится зелёным.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Записки Фольгана Штакетовича Мокрого»

ТОМ I

1. Фольган Штакетович Мокрый и Красный свет
2. Фольган Штакетович Мокрый и Научно-философский очерк
3. Фольган Штакетович Мокрый и Влажные путешественники
4. Фольган Штакетович Мокрый и Катастрофическая задержка (от двух до девяти)
5. Фольган Штакетович Мокрый и Фильтр «Зачем?»
6. Фольган Штакетович Мокрый и Три вечера
7. Фольган Штакетович Мокрый и Лестница, которая была закрыта
8. Фольган Штакетович Мокрый и Механизм падения яблок
9. Фольган Штакетович Мокрый и Игрушка над кроватью
10. Фольган Штакетович Мокрый и Три видения за одно утро
11. Фольган Штакетович Мокрый и Вечер, в котором он понял, чего ему не хватало
12. Фольган Штакетович Мокрый и Магазин, в котором он ничего не захотел
13. Фольган Штакетович Мокрый и Корень, о который он споткнулся дважды
14. Фольган Штакетович Мокрый и Зелёное утро
15. Фольган Штакетович Мокрый и Утро, в которое он понял, где его опора
16. Фольган Штакетович Мокрый и Видение в парке
17. Фольган Штакетович Мокрый и Земля, которую он рыл
18. Фольган Штакетович Мокрый и Ночь, в которую он перестал просить
19. Фольган Штакетович Мокрый и Утро, которое он просто принял
20. Фольган Штакетович Мокрый и Спираль, которая увела его в смерть и вернула обратно
21. Фольган Штакетович Мокрый и Путёвка, которая не была выигрышем
22. Фольган Штакетович Мокрый и Салфетки, которые стали реальностью
23. Фольган Штакетович Мокрый и Жёлтый автобус, который не приехал
24. Фольган Штакетович Мокрый и Кусок газеты, который не уплыл
25. Фольган Штакетович Мокрый и Кондиционер, который дышит
26. Фольган Штакетович Мокрый и Испаряющиеся слои
27. Фольган Штакетович Мокрый и Вывеска, которая говорила
28. Фольган Штакетович Мокрый и Занавес, который упал
29. Фольган Штакетович Мокрый и Лягушка, которая знала правило
30. Фольган Штакетович Мокрый и Книга, которая была написана до него

Послесловие к тому I

ТОМ II

Предисловие к тому II

1. Фольган Штакетович Мокрый и Генерал, который изучал карту уже выигранной битвы
2. Фольган Штакетович Мокрый и Скульптор, лепящий из тумана
3. Фольган Штакетович Мокрый и Стрекоза, которая не летела линейно
4. Фольган Штакетович Мокрый и Тайна капель и всплесков
5. Фольган Штакетович Мокрый и Коды тишины
6. Фольган Штакетович Мокрый и Квантовое зеркало
7. Фольган Штакетович Мокрый и Блаженное неведение
8. Фольган Штакетович Мокрый и Чай, который показал матрицу
9. Фольган Штакетович Мокрый и Проснувшийся сон

10. Фольган Штакетович Мокрый и Небесная механика

11. Фольган Штакетович Мокрый и Вечное сейчас

Послесловие к тому II

ТОМ III

1. Начало

Приложения

1. О тишине разума и молитве нового времени

2. Проповедь нового времени

3. Проповедь о богатом юноше и истинном имени

4. Проповедь о Царстве внутри: Новый Завет как инженерная схема уничтожения Эго

5. Проповедь о кодах тишины: Новый Завет как инструкция по остановке внутреннего шума

6. Проповедь о законе свободы и квантовом зеркале

7. Проповедь о законе свободы и искусстве позволения

Послесловие к трилогии.

ФОЛЬГАН ШТАКЕТОВИЧ МОКРЫЙ И КРАСНЫЙ СВЕТ

Часть 1. Тысячный перелом

Фольган Штакетович Мокрый лежал в больнице. В очередной раз. Загипсованный от пяток до макушки. Он уже сбился со счёта: переломы, сотрясения, ушибы — всё слилось в один бесконечный больничный коридор.

Он лежал и думал. Не о том, как быстрее вылезти из гипса. Не о том, кто виноват. Он начал думать о причине.

«Почему я всё время здесь? Я же осторожный человек. Я не прыгаю с крыш. Не дерусь. Не пью (много). Что я делаю не так?»

И вдруг — он увидел.

Часть 2. Видение

Широкая дорога. Асфальт. Белая разметка, похожая на зебру. Над дорогой — фонарь. Красный. Горит.

Фольган понял: всю жизнь он переходил дорогу на красный. Не потому что спешил. Не потому что не видел. А потому что привык. Потому что «так делают все». Потому что «ну, подумаешь, машины далеко».

Он понял: каждое его падение, каждый перелом, каждая «случайность» начиналась именно там — на красном свете. Он просто не связывал причину и следствие.

Он выписался. И решил изменить в жизни одно действие.

Часть 3. Одно действие

Он подошёл к дороге. Увидел красный свет. Остановился. Дождался зелёного. Перешёл.

Машины пронесли мимо — ни одна не задела.

Он перешёл и подумал: «Хм. Странно, что я не догадался раньше. Всего-то одна привычка. Одно действие. 29 лет страданий — из-за того, что я не хотел ждать три секунды».

Он начал переходить дорогу только на зелёный. И почти сразу перестал ломаться. Переломы кончились. Сотрясения — тоже. Даже синяки стали редкостью.

Часть 4. Усталость от поиска

Но через какое-то время Фольган Штакетович заметил: жизнь перестала быть опасной, но она не стала лёгкой. Он всё ещё бегал за зарплатой, одобрением, смыслом, пытался взобраться на женщин, которые не хотели ложиться, искал ответы в зеркалах и пустых дворах.

Он устал. И однажды просто лёг на диван и сказал себе: «Всё. Я больше не ищу. Ничего не делаю. Просто лежу».

Он ждал тревогу: «Как же так? Надо работать! Надо что-то делать!» — но тревога не пришла. Вместо неё пришла тишина.

Часть 5. Яблоко без усилий

Три дня он лежал. Никуда не шёл. Ничего не искал. На четвёртый день знакомый принёс ему яблоки — просто так, без причины, и сказал: «Тут урожай, я подумал о тебе».

Фольган Штакетович съел яблоко и подумал: «Интересно. Я не искал — и оно пришло».

На пятый день мимо с криками пробежали бывшие коллеги — «В атаку! Пятилетку за три года!» — он не побежал. Они вернулись через час: кто с выговором, кто с пустыми руками, кто с дыркой в неположенном месте. Фольган Штакетович лежал на том же месте и просто смотрел.

Часть 6. Голос

Однажды он услышал внутренний шёпот (или показалось). Шёпот сказал:

— Ты всё делаешь правильно. Не ищи. Не беги. Просто будь. Всё придёт само.

Фольган Штакетович удивился:

— Кто ты?

— Я — тот, кто всегда был внутри. Просто ты был слишком занят, чтобы меня слышать. Ты думал, что счастье — на красном свете. Что надо бежать, доказывать, брать. А надо было просто стоять. Дождаться зелёного. И идти.

Часть 7. Новый принцип

Фольган Штакетович перестал бегать на красный. Не только на дороге, но и в жизни. Он перестал:

- лезть в чужие разборки,
- доказывать тем, кто не слышит,
- пытаться взобраться на тех, кто не хочет ложиться,
- бежать за коллегами в атаку.

Он просто стоял. И ждал зелёного.

Часть 8. Дерево

Через месяц в его жизни выросло дерево. Не буквально — но он перестал ходить за зарплатой. Всё, что нужно, приходило само. Без его криков, без его беготни, без его доказательств.

Он сидел под этим деревом и думал:

«Всю жизнь я думал, что мир жестокий, что мне не везёт, что я хрупкий человек в большом опасном мире. А оказалось, я просто переходил дорогу на красный. А потом перестал искать зарплату — и она пришла сама».

Часть 9. Моё имя — Фольган Штакетович Мокрый

Он не стал никого учить. Не написал книгу (пока). Просто жил.

А когда кто-то спрашивал: «Фольган Штакетович, как вам удалось перестать ломаться?» — он отвечал:

— Я изменил одно действие. И перестал мешать жизни течь.

А когда благодарили, он отвечал:

— Наслаждайтесь.

И шёл дальше. Смотрел на зелёный свет. И шёл.

НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИЙ ОЧЕРК

о том, как Фольган Штакетович Мокрый перестал бегать, начал записывать и понял, что все описывают одно и то же, но разными словами

Пролог: эпоха неподвижности

После того как Фольган Штакетович перестал бегать и просто лёг под кустом, он заметил странную закономерность. Яблоки начали падать сами. Деньги появлялись без напоминаний. Знакомые приносили еду, не дожидаясь просьб. Даже соседская собака перестала лаять на него по ночам.

Он не планировал — события происходили. Он не просил — ему давали. Он не искал — находилось.

Фольган Штакетович начал записывать. Сначала на клочках газет, потом в тетрадь, которую нашёл в заброшенном сарае. Он фиксировал каждое «совпадение», каждый случайный звонок, каждую внезапную встречу. И в какой-то момент ему стало ясно: он не изобрёл ничего нового. Он просто вспомнил то, что было известно задолго до него.

Глава первая: о том, что все описывают одно и то же

Как-то вечером Фольган Штакетович зашёл к своему соседу Бигмаку Гуляшевичу Дыне. Тот как раз перепахивал участок в надежде засеять его стратегическим картофелем. На столе у Бигмака лежали книги, которые он собирался использовать для розжига печи.

Фольган Штакетович пролистал их. И обнаружил поразительную вещь.

Платон — писал о припоминании души.

Юнг — о синхронистичности.

Кастанеда — о намерении.

Лаберж — об осознанных сновидениях.

Все эти авторы, разделённые веками и культурами, говорили об одном. О том, что внутреннее состояние настраивает внешнее проявление. Что вопрос становится ответом. Что сон становится реальностью. Что намерение — событием.

Фольган Штакетович закрыл книгу и посмотрел на перепаханный участок соседа. Он не открыл это. Он вспомнил. Не через чтение — через падение, через изгнание, через сны, через встречи, через дождь, который остановился по его шутке, и через светящийся газон, который загорелся в момент вопроса.

Глава вторая: о забывании и припоминании

Но если он вспомнил, значит, он когда-то забыл.

Фольган Штакетович начал искать момент забывания. Он перебирал свою жизнь, как старую фотоплёнку. И понял: он забывал постепенно. Каждый раз, когда он выбирал бежать за палкой вместо того, чтобы сидеть и смотреть. Каждый раз, когда он говорил «надо» вместо «я выбираю». Каждый раз, когда он доказывал, спасал, копировал или надеялся, что кто-то другой решит его жизнь.

Он забыл, когда поверил, что он — это его тело, его роль, его история, его страхи, его желания. Когда перестал слышать тишину и решил, что счастье — вовне.

А откуда во нём это знание? Оно не извне. Оно — свойство сознания, а не содержимое памяти. Он не «получил» его — он был им. Когда он перестал отождествляться с Эго, он перестал мешать тому, что всегда было внутри.

Глава третья: о пересечении возможностей

Однажды, лёжа в медитации на перепаханном участке соседа, Фольган Штакетович услышал фразу, которая загрузилась в его голову целиком, как файл.

«В относительном пространстве все возможности пересекаются между собой»

Он повторил её, просыпаясь, чтобы не забыть. И понял: это и есть тот самый закон.

- Когда он настраивался на линию, где яблоко уже упало — оно падало.

- Когда он засыпал с образом велосипедной прогулки — наутро кто-то звонил и предлагал прокатиться.

- Когда он спрашивал человека о необъяснимом — за забором загорался светящийся газон.

Это не магия. Это — **физика пересечений**. Ты не создаёшь событие — ты настраиваешься на ту линию, где оно уже есть. А пространство, в котором ты находишься, — это не жёсткая сетка, а поле, где все линии уже проложены.

Глава четвёртая: о том, как жить теперь

Фольган Штакетович перестал строить планы. Перестал искать подтверждений. Перестал ждать результатов.

Он просто — находился в состоянии, где он уже был там, куда хотел попасть. А реальность подстраивалась. Иногда сразу. Иногда через сон. Иногда через человека, который вдруг звонил и говорил: «Я прочитал твой рассказ, и у меня случилось то же самое».

Он не учил этому — он просто жил. И записывал. Потому что это работало. И потому что это — не его открытие. Это — воспоминание. О том, что все описывают одно и то же. Просто каждый — из своего состояния.

Заключение: формула, которая не требует веры

Если сжать весь очерк до одного абзаца, получится так:

В относительном пространстве все возможности уже пересеклись. Состояние — это ключ к тому, в какой точке пересечения ты окажешься. Ты не управляешь реальностью — ты настраиваешься на неё. А всё остальное — описание этого закона разными словами. Платона, Юнга, Кастанеды, Лаберджа. Или, если хочешь, — Фольгана Штакетовича Мокрого, который однажды перестал бегать и начал записывать.

Спокойно. Наслаждайся. Пересечения продолжаются.

ФОЛЬГАН ШТАКЕТОВИЧ МОКРЫЙ И ВЛАЖНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Воспоминание из молодости, записанное на салфетке в момент просветления

Пролог. О том, как число 34 стало судьбой

Фольган Штакетович Мокрый сидел на лавочке в парке. Справа — гражданка В. Слева — Дуся. Дождь только что прошёл. Лавочка была влажной. Но Фольган Штакетович уже не боялся намокнуть. Он вообще перестал бояться.

Он вспоминал свою прошлую жизнь. Ту, когда он ещё не знал про зелёный свет. Когда он жил в мегаполисе. В 35-этажном доме. На 34-м этаже.

Номер его квартиры был 3434.

В его рту, согласно флюорографическому снимку ротовой полости, было 34 зуба. Но это совсем другая история. О ней потом.

Лифт в доме ломался часто. Каждую неделю. Иногда дважды. Фольган Штакетович привык спускаться пешком. И подниматься обратно. Сумки с продуктами оттягивали руки. Ноги гудели. Сердце колотилось.

Но он ходил в магазин. Потому что надо было есть.

Магазин находился на первом этаже соседнего трёхэтажного дома. Дом был 1934 года постройки. Номер дома — 34. Фольган Штакетович даже подумывал, что магазин был создан в коммерческом помещении, которое раньше было квартирой. Исходя из нумерации квартир в этом доме, номер той квартиры, которая впоследствии стала магазином, тоже был 34.

Фольган Штакетович не верил в совпадения. Он уже тогда знал: это знаки. Но он ещё не знал, как их читать.

Том 1. Лифт и лавочка в кустах

В тот вечер лифт снова сломался. Фольган Штакетович спустился пешком. Зашёл в магазин. Продавщица стояла за прилавком. На бейдже было написано «Опа на», — наверное опечатка, подумал Фольган Штакетович.

У неё был четвёртый размер груди. Фольган Штакетович заметил это сразу. Не потому что он был похотливым. Просто дом был трехэтажным, а грудь 4 размера, а число 34 его преследовало.

Он купил хлеб, молоко, яйца. И треугольнички. Штуки три.

— Возьми четыре, — сказала Опа на.

Фольган Штакетович замолчал.

— Зачем четыре?

Она положила одно пирожное в коробку. Потом второе. Потом третье.

— Четыре — это на двоих, — сказала она. — Три — это не делится.

Фольган Штакетович усмехнулся.

— А если я один?

Она положила четвёртое пирожное.

— Ты не один. Ты просто ещё не знаешь.

Фольган Штакетович взял коробку. Заплатил. Пошёл к выходу.

У двери обернулся.

Опана смотрела на него. И думала:

«Быть может, уговорю на пять».

Но не сказала. Просто улыбнулась. И вытерла витрину.

Том 2. Четыре треугольника и один лифт

Фольган Штакетович вышел из магазина. Сел на лавочку. Открыл коробку. Четыре треугольника.

Взял один. Укусил. Крем потёк по пальцам. Он вытер их о джинсы.

Телефон завибрировал.

Сообщение. От неё. Той самой. С которой он ещё не был знаком.

«Ты купил четыре?»

Фольган Штакетович удивился.

— Откуда ты знаешь?

«Я видела. Я там была. В очереди. За тобой».

Фольган Штакетович обернулся. Никого. Только фонарь. И тень на асфальте.

«Я та, которая сказала про четыре».

Он засмеялся.

— Ты следила за мной?

«Нет. Я просто хотела, чтобы ты взял четыре. Три — это не делится. Помнишь?»

Фольган Штакетович посмотрел на коробку. Четыре треугольника. Один уже съеден. Осталось три.

— А пять? — написал он.

«Пять — это уже обязательство. Ты готов?»

Фольган Штакетович не ответил. Просто съел второй треугольник. Крем был сладкий. Слишком сладкий.

Он поднялся. Потому что через час лифт могут починить. А если не починят — придётся снова лезть пешком на 34-й этаж.

Он уже тогда знал: жизнь — это вертикаль. И горизонталь. И пересечения.

Том 3. Седьмой этаж и восьмёрка

Через неделю лифт снова сломался. Фольган Штакетович спустился пешком. Зашёл в магазин. Опана стояла за прилавком. У неё всё ещё был четвёртый размер груди, а дом до сих пор был трехэтажным.

— Пять, — сказал Фольган Штакетович .

Она улыбнулась. Положила пять треугольников. Завязала ленту.

— Пять — это уже на троих, — сказала она. — Третий — кто?

— Желание, — сказал Фольган Штакетович. — Оно всегда приходит третьим.

Он взял коробку. Пошёл к выходу. У двери она окликнула его.

— Фольган, — сказала она. — У тебя 34 зуба. У меня 4-й размер груди. Ты живёшь на 34-м этаже. В доме №34. Я работаю в квартире №34. Это не случайность.

Фольган обернулся.

— А что это?

— Это — ткань, — сказала она. — Ты просто ещё не умеешь её видеть.

Он вышел. Сел на лавочку. Открыл коробку. Пять треугольников.

Он съел один. Потом второй. Потом третий. Потом четвёртый.

Пятый он оставил.

Через час она вышла из магазина. Села рядом.

— Ты оставил пятый.

— Для тебя.

Она взяла пирожное. Укусила. Крем потёк по пальцам. Она не вытерла.

— Фольган, — сказала она. — Восемь — это бесконечность?

Он посмотрел на неё. Потом на небо. Потом на лавочку.

— Нет. Восемь — это два круга. Один для тебя. Один для меня. И они пересекаются в центре.

Она поняла.

И они пошли вверх. Пешком. Потому что лифт снова сломался.

Эпилог. Восхождение.

Они поднялись на 34-й этаж. Дышали тяжело. Смеялись. Пирожные были съедены. Крем на пальцах высох.

Фольган Штакетович открыл дверь квартиры 3434.

— Ты знаешь, — сказала она, — почему всё это было?

— Что — всё?

— 34-й этаж, 34 зуба, 34-й дом, 34-я квартира. И мой 4-й размер.

— Почему?

— Чтобы ты однажды перестал считать. И начал замечать.

Она вошла внутрь.

И Фольган Штакетович понял: это была не история про пирожные. Это была история про то, как мир прошит знаками. И как иногда, чтобы увидеть зелёный свет, нужно сначала намокнуть под дождём. И съесть пять треугольников. И подняться пешком на 34-й этаж.

Послесловие. Запись на салфетке.

Фольган Штакетович сидел на лавочке в парке. Справа — гражданка В. Слева — Дуся. Воспоминание закончилось. Он улыбнулся.

— Всё было не так, — сказал он вслух. — Но так — правильнее.

Гражданка В. не поняла. Дуся не поняла. Только дождь, который снова начинался, понимал.

Фольган Штакетович поднялся.

— Пойдёмте, — сказал он. — Лифт снова сломался. А у меня ещё 34 зуба.

Они пошли. От мокрой лавочки. По мокрой земле. По мокрой жизни.

Спокойно. Наслаждайтесь.

Дождь не для детей.

Для тех, кто готов намокнуть.

И не бояться простуды души.

ФОЛЬГАН ШТАКЕТОВИЧ МОКРЫЙ И КАТАСТРОФИЧЕСКАЯ ЗАДЕРЖКА (от двух до девяти)

Глава первая. Яблоко и шкаф

Фольган Штакетович Мокрый лежал на диване на кухне. Диван был старый, продавленный, с пружиной, которая иногда выстреливала в спину, но Фольган Штакетович к этому привык. Он жевал яблоко. Третье за день. Яблоки падали сами, как он уже понял. Не нужно было ходить в магазин.

Он жевал и думал. О том, как раньше. До того, как он перестал бегать на красный. До того, как перестал искать. До того, как яблоки начали падать сами.

Он вспоминал свою жизнь. Как он работал. Как он ждал. Как он стоял на перронах, на остановках, в коридорах, в очередях. Как он ждал поезда, который всё не приходил. Как он ждал автобуса, который закрыл двери прямо перед его носом. Как он садился в трамвай, которого не было на карте города. Как он ждал женщину, которая так и не пришла.

Он жевал яблоко. И вдруг — оно случилось.

Не яблоко. Озарение.

Фольган Штакетович увидел свою жизнь. Всю сразу. Не как последовательность событий, а как сферу. Большую, прозрачную, вращающуюся. Внутри неё — все события. Не только те, что уже случились. Но и те, что ещё не случились. Они были там. Одновременно. Как будто время перестало быть линейным.

Фольган Штакетович подскочил.

И врезался головой в висячий посудный шкаф.

Шкаф был старый, советский, с металлическими ручками и стеклянными дверцами. Он висел на высоте ровно настолько, чтобы Фольган Штакетович, резко вставая с дивана, смог гарантированно стукнулся головой о его нижнюю полку.

Так и случилось.

Фольган Штакетович упал на спину. В глазах потемнело. Яблоко выкатилось из руки и укатилось под холодильник.

Он лежал на полу. Тишина. Звон в ушах. И вдруг — свет. Не электрический, не дневной. Другой. Он появился в центре тёмного поля, которое секунду назад было глазами Фольгана Штакетовича.

И ему показали. Всё. Как кино.

Глава вторая. Поезд.

Фольган Штакетович увидел себя на перроне. Он стоял и смотрел на табло. «ПОЕЗД ПРИБЫТИЕ ПО РАСПИСАНИЮ». Зелёные буквы горели ровно. Но рельсы были пусты.

Прошло пять минут. Табло моргнуло. «ЗАДЕРЖКА 2 МИНУТЫ».

Фольган Штакетович успокоился. Всего две минуты.

Прошло десять. «ЗАДЕРЖКА 15 МИНУТ».

Он начал ходить по перрону.

Прошло полчаса. «ЗАДЕРЖКА 1 ЧАС».

Он пошёл в кафе, купил пережаренный хот-дог и безвкусный кофе за 340 рублей.

Прошло два часа. Он уже ненавидел этот вокзал, этот поезд, эту страну и самого себя за то, что не поехал на автобусе.

Он ждал. 29 лет. Но он не знал, что ждёт 29 лет. Он думал, что это просто задержка. От двух до девяти. Минут. Часов. Дней.

А это были годы.

Поезд так и не пришёл.

Глава третья. Автобус

Фольган Штакетович увидел себя на остановке. Автобус стоял, открыл двери, закрыл их прямо перед его носом и уехал. Он не расстроился. Решил ждать следующий.

И тут зазвонил телефон. Незнакомый номер. Женщина. Сказала: «У меня поток, я в канале». Он не понял, но поехал в следующем автобусе. Внутри сидела она. Та самая, которая позвонила. Он узнал её голос.

Он понял: первый автобус был не его. Его — следующий. Но сколько времени он простоял между «закрытыми дверями» и «своим автобусом»? Он не знал. Он просто стоял и ждал.

29 лет. Он стоял на остановке и ждал, пока кто-то другой решит, куда ему ехать.

Глава четвёртая. Трамвай

Фольган Штакетович увидел себя сидящим в трамвае. Но трамвая в его городе не было. Трамвай существовал только во сне. Вагон с двумя рядами сидений. Он — справа. Слева — люди. На них сверху экскаватор ковшом сыпал землю.

Трамвай приехал на кольцо. Должен был развернуться и поехать обратно. Фольган Штакетович понял: он не хочет назад. Он вышел. Сел на мопед. Потом на велосипед. И поехал к своему дому. Мимо старых знакомых, которые ехали в противоположную сторону.

Трамвай был фантомом. Его нет на карте. Но Фольган Штакетович на нём ехал. И только когда он вышел, он понял: он никогда не должен был на него садиться.

29 лет. Он ехал в трамвае, которого не было. В город, которого не было. К людям, которые даже не здоровались с ним на обратном пути.

Глава пятая. Сфера

Фольган Штакетович лежал на кухне. Свет исчез. Картинка закончилась. Яблоко так и лежало под холодильником. В голове гудело от удара. Но он понял главное.

Всё это — поезд, автобус, трамвай — было не про транспорт. Это было про ожидание. Про то, что он ждал, когда кто-то другой решит его жизнь. Когда поезд придёт. Когда автобус откроет двери. Когда трамвай поедет туда, куда надо.

Он ждал 29 лет. А надо было просто встать. И уйти. Своим ходом.

Он понял: самая катастрофическая задержка — не от двух до девяти. А когда ты ждёшь 29 лет и не понимаешь, что ты уже на перроне, у тебя есть ноги, и ты можешь просто пойти пешком.

Он поднялся. Помассировал шишку на голове. Достал яблоко из-под холодильника. Отряхнул. Надкусил.

— Самое главное — внутри, — сказал он вслух. — А не на табло. Не в расписании. Не в автобусе, который закрыл двери.

Он посмотрел на висячий шкаф.

— Спасибо тебе, — сказал Фольган Штакетович. — Хорошо, что я в тебя врезался. Иначе бы я так и продолжал ждать поезд, которого нет.

Послесловие. Запись на салфетке

Фольган Штакетович Мокрый сидел на кухне. Яблоко было съедено. Шишка на голове ещё болела, но это было приятно. Он взял салфетку и написал:

«Катастрофическая задержка от двух до девяти — это не про время. Это про то, как долго я ждал, когда кто-то другой решит мою жизнь. А решение было внутри. Как яблоко. Как удар головой о шкаф. Как свет, который показал мне всё сразу — и прошлое, и будущее. Они всегда были здесь. Просто я не видел».

Он сложил салфетку и положил в папку для исписанных салфеток.

А на следующий день он купил велосипед. И перестал ждать общественный транспорт, в любых его проявлениях.

У каждого свой шкаф через соприкосновение с которым можно увидеть свет.

Спокойно. Наслаждайтесь.

ФОЛЬГАН ШТАКЕТОВИЧ МОКРЫЙ И ФИЛЬТР «ЗАЧЕМ?» (Жизненное переживание, записанное утром)

Глава первая. Утро понедельника

Фольган Штакетович Мокрый вышел из подъезда в 8:00 утра понедельника. Он не спешил на работу. У него не было работы в том смысле, в котором она была у других. Но он вышел, потому что хотел раздобыть хлеба. И заодно посмотреть на людей.

Он остановился у дороги. И увидел.

Машины. Одна за другой. Поток. Люди ехали на работу. Чтобы заработать деньги. Чтобы купить машину. Чтобы ездить на ней на работу. Чтобы заработать деньги. Чтобы купить новую машину. Чтобы ездить на ней на работу.

Круг.

Фольган Штакетович смотрел на этот поток и чувствовал, как в груди зарождается странная тишина. Не пустота. А что-то похожее на вопрос. Он не знал, как его сформулировать. Но он знал, что он есть.

Он пошёл в магазин. Купил хлеб, молоко и три яблока (потому что яблоки перестали падать сами по понедельникам — это был такой закон природы, который он ещё не до конца изучил). Вышел. Снова остановился у дороги.

Машины всё ехали.

Круг всё вращался.

Глава вторая. Первый вопрос

Фольган Штакетович сел на лавочку у магазина. Положил пакет с хлебом на колени. Достал яблоко. Надкусил. Смотрел на дорогу.

Машина. Серая. За рулём мужчина. Лицо напряжённое. Он едет на работу. Чтобы заработать деньги. Чтобы купить бензин. Чтобы ехать на работу. Чтобы заработать деньги. Чтобы купить новую машину. Чтобы ехать на работу.

Фольган Штакетович перестал жевать.

— Зачем? — спросил он вслух.

Яблоко не ответило. Но вопрос повис в воздухе. Как белая нитка, которую никто не заметил.

Он посмотрел на другую машину. Женщина. Дети на заднем сиденье. Она везёт их в садик. Сама едет на работу. Чтобы заработать деньги. Чтобы оплатить садик. Чтобы ездить на работу. Чтобы заработать деньги. Чтобы оплатить садик.

— Зачем? — повторил Фольган Штакетович.

Яблоко молчало. Но вопрос стал громче.

Он смотрел на третью машину. Молодой парень. Кожанный салон. Громкая музыка. Он ехал, потому что так надо. Потому что все едут. Потому что если не поедешь — не заработаешь. Если не заработаешь — не купишь. Если не купишь — не поедешь. Круг.

— Зачем? — спросил Фольган Штакетович в третий раз.

И вдруг он понял. Этот вопрос — он уже есть. Он всегда был. Просто он его не задавал. Он тоже ехал. Тоже работал. Тоже зарабатывал. Тоже покупал. Тоже ехал. Тоже работал. Тоже зарабатывал. Тоже покупал. Тоже ехал.

Круг.

Фольган Штакетович доел яблоко. Яблочный огрызок положил в пакет. И спросил себя:

— А я зачем?

И ответа не было.

Потому что ответ был не нужен. Важен был сам вопрос.

Глава третья. Фильтр

Фольган Штакетович Мокрый пошёл домой. Хлеб — в сумку, молоко — в сумку, яблоки — в сумку. Он поднялся пешком на 34-й этаж (лифт, как обычно, работал, но он решил пройти, чтобы подумать). Открыл дверь. Зашёл. Поставил сумку на кухонный стол.

Достал салфетку. Написал:

«ФИЛЬТР «ЗАЧЕМ?»»

Перед каждым действием — спросить: ЗАЧЕМ?

Если ответ — «потому что так надо» — не делать.

Если ответ — «потому что все так делают» — не делать.

Если ответ — «потому что иначе не заработаешь / не купишь / не поедешь» — не делать.

Если ответ — тишина — делать.

Если ответ — «потому что я хочу» — делать.

Если ответ — «потому что это мой путь» — делать.

Он повесил салфетку на холодильник. На магните. Рядом с расписанием работы общественного транспорта, которое он больше не изучал.

Глава четвёртая. Круг, который разомкнулся

На следующий день Фольган Штакетович снова вышел в 8:00. Снова смотрел на машины. Снова люди ехали на работу. Чтобы заработать деньги. Чтобы купить машину. Чтобы ехать на работу.

Но теперь он смотрел иначе. Он видел не просто поток. Он видел **фильтр**.

Каждая машина проезжала сквозь его вопрос: «ЗАЧЕМ?» И те, у кого не было ответа, просто растворялись в потоке. Их не становилось меньше. Но они перестали иметь значение для Фольгана Штакетовича.

Он повернулся и пошёл в парк. Потому что захотел. Потому что это был его путь.

Глава пятая. Запись на салфетке

Вечером того же дня Фольган Штакетович Мокрый достал новую салфетку и написал:

«Я понял, что самое страшное — не отсутствие денег. И не отсутствие работы. И не отсутствие машины. Самое страшное — отсутствие вопроса. Когда ты едешь на работу, чтобы заработать деньги, чтобы купить машину, чтобы ездить на работу — и не спрашиваешь: ЗАЧЕМ?»

Вопрос разрывает круг. Он делает из него спираль. Или просто останавливает.

Фильтр «ЗАЧЕМ?» — это не про то, чтобы не работать. Это про то, чтобы не врать себе, что ты работаешь ради чего-то, когда на самом деле ты просто вращаешься.»

Он сложил салфетку и положил в папку для исписанных салфеток. Рядом с записями о красном свете, о яблоках, о дожде и о шкафе.

Послесловие. Утро среды

Фольган Штакетович проснулся в среду в 8:00. Вышел на улицу. Машины всё ехали. Люди всё ехали. Круг всё вращался.

Но Фольган Штакетович уже не смотрел на них.

Он смотрел на небо.

И думал:

— Зачем?

И небо не отвечало. Но это был правильный ответ.

Потому что тишина — тоже ответ.

Особенно когда ты перестал ждать общественный транспорт в любом виде. И начал задавать вопросы.

У каждого свой круг. И свой вопрос. Главное — задать его. И не бояться тишины.

Спокойно. Наслаждайтесь.

ФОЛЬГАН ШТАКЕТОВИЧ МОКРЫЙ И ТРИ ВЕЧЕРА (запись на салфетке, сделанная после того, как он сказал одно слово)

Глава первая. Слово

Фольган Штакетович Мокрый смотрел в телефон. Сообщение от неё.

Она написала:

«А теперь мне в Вашем обществе хорошо! Планирую начать ходить к Вам регулярно».

Он прочитал. Один раз. Второй. Третий.

Потом убрал телефон в карман. Вышел на кухню. Налил чай. Сел на диван. Тот самый, с которым у него связан шкаф и первая встреча со светом. Подумал. И взял телефон обратно.

Написал одно слово:

«Наслаждайся».

Отправил.

Положил телефон на стол. И продолжил пить чай.

Глава вторая. Тишина после слова

Фольган Штакетович не ждал ответа. Он вообще перестал ждать чего бы то ни было после того, как понял, что вся жизнь — это катастрофическая задержка, которую можно остановить только одним действием.

Он знал: слово сказано. Оно было чистым, как удар о шкаф. Без ожидания, без планов, без надежды на ответ.

«Наслаждайся».

Не «я тоже рад».

Не «давай встретимся».

Не «ты мне тоже нравишься».

Не «приятно, что ты пишешь».

«Наслаждайся».

Это было как подпись мокрым пальцем. Как дождь, который он остановил. Как яблоко, которое упало само. Как велосипед с надписью KARMA, который стоит в его комнате.

Он просто ответил. Из своего состояния. Без усилия, без попытки продлить контакт, без страха, что она больше не напишет.

И это было самое честное, что он мог сказать.

Глава третья. Три вечера

Она не написала сразу. Она не написала через час. Она не написала на следующее утро.

Фольган Штакетович не ждал. Он просто жил.

Он ходил в парк. Посидел на мокрой скамейке. Вспомнил, как они гуляли. Три вечера.

Первый вечер — она смотрела на него настороженно. Второй вечер — она расслабилась. Третий вечер — она улыбнулась и сказала: «А теперь мне хорошо».

Три вечера, чтобы её вселенная вошла в резонанс с его. Три вечера, чтобы она поняла: он не бежит. Не ищет. Не спасает. Он просто есть. И рядом с ним — есть место для неё.

Фольган Штакетович не торопил события. Он просто был.

Глава четвёртая. Ответ через три дня

Через три дня она написала снова:

«Зачем ты так ответил?»

Фольган Штакетович прочитал. Улыбнулся. И написал:

«Потому что это — всё, что я могу тебе дать. И ты это получила. Остальное — просто декорации».

Она не ответила. Но Фольган Штакетович знал: она поняла.

Потому что три вечера — это срок. Этого достаточно, чтобы понять, настоящий ли ты. Или просто очередной, кто бежит на красный.

Глава пятая. Запись на салфетке

Фольган Штакетович Мокрый достал салфетку и написал:

«Три вечера — это проверка.

Первый — любопытство.

Второй — узнавание.

Третий — решение.

Она решила быть рядом. И я сказал: "Наслаждайся". Не потому что я её отталкиваю. А потому что я перестал держать. Я открыл дверь. Если она хочет войти — она войдёт. Если нет — она пройдёт мимо. И то, и другое — правильно. Потому что моя дверь — не тюрьма. Она — вход в мир, где не нужно ничего доказывать. Где можно просто быть. Где три вечера могут стать началом. Или просто тремя вечерами. Всё, что есть — уже достаточно. Наслаждайся.»

Он сложил салфетку. Положил в папку для исписанных салфеток.

И вышел гулять. Вечер был тёплым. И он знал: она тоже где-то гуляет.

А может, и нет.

Но это не имело значения.

Потому что он уже научился наслаждаться.

Иногда самый честный ответ — это одно слово. Которое не требует продолжения. И не боится тишины.

Спокойно. Наслаждайтесь.

ФОЛЬГАН ШТАКЕТОВИЧ МОКРЫЙ И ЛЕСТНИЦА, КОТОРАЯ БЫЛА ЗАКРЫТА

(запись, сделанная сразу после пробуждения)

Глава первая. Сон

Фольган Штакетович Мокрый лежал на диване. Тот самый, на котором он когда-то врезался головой в шкаф и увидел свет. Сейчас он не врезался. Он медитировал. Или думал. Или просто лежал с закрытыми глазами — какая разница.

И вдруг он увидел.

Он стоял в коридоре своей квартиры. 34-й этаж. 35-этажный дом. Номер квартиры — 3434. Всё как обычно.

Он вышел на лестничную площадку. И увидел объявление.

На двери лифта висела бумажка: «ЛИФТ СЛОМАН».

Фольган Штакетович вздохнул. Привычно. Потому что лифт ломался часто. Он повернул к лестнице. Чтобы спуститься пешком в магазин. В тот самый, в 34-м доме.

Но вход на лестницу был затянут красными сигнальными лентами. Они пересекались в центре, образуя крест. А на перекрестии этих лент висел лист ватмана формата А1. На нём яркими оранжевыми буквами было написано:

«ЛЕСТНИЦА ЗАКРЫТА НА ВРЕМЯ РЕМОНТА ЛИФТА»

Фольган Штакетович стоял и смотрел на это объявление. Он не мог спуститься. Не мог уйти. Не мог выйти из дома. Потому что лифт сломан, а лестница закрыта на время его ремонта.

Он проснулся.

Глава вторая. Запись

Фольган Штакетович открыл глаза. Сел на диване. В голове было свежо и чисто, как после удара о шкаф, только без боли. Он взял салфетку. Написал:

«Сон: я на 34-м этаже. Лифт сломан. Лестница закрыта на время ремонта лифта. Я не могу выйти. Я заперт на этаже, где живу. Вход есть, но он закрыт. Выход закрыт. Движение вниз невозможно. Движение вверх — только в квартиру. Круг.»

Он положил салфетку на стол. И стал ждать. Он знал: сны иногда приходят не для того, чтобы их пересказывать. А для того, чтобы их понимать. И понимание приходит не сразу. Оно приходит, когда ты перестаёшь его ждать.

Глава третья. Смысл

Через час Фольган Штакетович снова взял салфетку. И написал:

«Я понял.»

Лифт сломан — это моя старая жизнь. Она перестала работать. Она не везёт меня туда, куда мне нужно. Она просто стоит.

Лестница закрыта на время ремонта лифта — это моя попытка уйти по-старому. Спуститься вниз. В магазин. В привычное. В быт. В шум. В людей, которые пьют у магазина и говорят, что мои истории — чушь.

Но лестница закрыта. Не потому что я не могу спуститься. А потому что ремонт лифта — это не то, что можно ускорить. Его нельзя обойти. Нельзя переждать внизу. Нужно остаться здесь. На 34-м этаже. Там, где ты живёшь. И ждать, пока лифт починят. Или пока не перестанешь нуждаться в лифте.

А ватман с оранжевыми буквами — это не предупреждение. Это указатель. Он говорит: "Не пытайся уйти вниз. Всё, что тебе нужно, уже есть здесь".

Я заперт на 34-м этаже, чтобы перестать искать выход внизу. И начать искать выход внутри.

Потому что магазин в 34-м доме — это не туда. Это — вниз. А мне больше не нужно вниз. Мне нужно — внутрь.»

Глава четвёртая. Итог

Фольган Штакетович положил салфетку в папку. Рядом с другими. И вышел на балкон.

Посмотрел вниз. Улица. Люди. Машины. Магазин в 34-м доме.

Он мог бы спуститься. Но он не хотел.

Потому что он понял: лестница закрыта не для того, чтобы его запереть. А для того, чтобы он перестал пытаться уйти вниз каждый раз, когда лифт ломается.

Иногда ремонт — это не ожидание. Это — приглашение остаться на месте. И обнаружить, что всё нужное уже есть там, где ты находишься.

Спокойно. Наслаждайтесь.

Иногда лестница закрыта не чтобы тебя запереть, а чтобы ты перестал искать выход внизу и начал искать его внутри.

ФОЛЬГАН ШТАКЕТОВИЧ МОКРЫЙ И МЕХАНИЗМ ПАДЕНИЯ ЯБЛОК (запись на салфетке, сделанная после того, как ему надоело удивляться)

Фольган Штакетович сидел под деревом. Тем самым, которое выросло у него во дворе после того, как он перестал бегать. Дерево давало яблоки. Не каждый день, но регулярно. И они падали сами. Ровно тогда, когда он не искал их. Ровно тогда, когда он не просил. Ровно тогда, когда он просто сидел и смотрел на небо.

Он взял одно яблоко. Надкусил. И задумался.

— Как это работает? — спросил он у дерева. Дерево не ответило. Тогда он спросил у яблока. Яблоко тоже молчало.

Тогда он достал салфетку и начал записывать, чтобы понять самому.

Первое открытие: состояние

«Я не искал яблоки. Я просто был. И они упали. Раньше я думал, что это случайность. Теперь я знаю: это не случайность. Это закон.»

Фольган Штакетович понял: падение яблока — это не про яблоко. Это про него. Когда он был в состоянии «мне нужно яблоко» — яблоко не падало. Когда он был в состоянии «я хочу яблоко» — яблоко не падало. Когда он был в состоянии «я должен найти яблоко» — яблоко не падало.

Когда он был в состоянии «я есть» — яблоко падало.

Второе открытие: настройка

«Ты не можешь поймать яблоко, если бежишь за ним. Ты должен быть там, где оно упадёт. А чтобы быть там — нужно перестать выбирать место. Просто сидеть там, где ты есть. И ждать. Не напряжённо. А с доверием.»

Фольган Штакетович понял: мир не даёт тебе то, что ты просишь. Мир даёт тебе то, на что ты настроен. Если ты настроен на поиск — мир даёт тебе возможности для поиска. Если ты настроен на ожидание — мир даёт тебе поводы ждать. Если ты настроен на присутствие — мир даёт тебе присутствие. И яблоки.

Третье открытие: разрешение

«Яблоко не упадёт, если ты боишься, что оно не упадёт. Ты должен позволить ему упасть. Или не упасть. Всё равно. Когда тебе всё равно — оно падает. Парадокс.»

Фольган Штакетович записал этот парадокс и перечитал трижды. Он понял: механизм не терпит привязанности к результату. Если ты хочешь яблоко так сильно, что готов бежать за ним — оно не упадёт. Если ты позволяешь ему упасть или не упасть — оно падает. Почему? Потому что мир не любит, когда ему приказывают. Мир любит, когда ему доверяют.

Четвёртое открытие: действие мира

«Яблоко падает не потому, что я его притянул. А потому что я перестал мешать ему падать. Я перестал бегать. Я перестал искать. Я перестал просить. Я перестал бояться, что оно не упадёт. И тогда мир сделал то, что должен был сделать — яблоко упало.»

Фольган Штакетович понял: мир всегда готов дать тебе то, что тебе нужно. Но ты постоянно мешаешь ему это сделать. Ты мешаешь своими мыслями, своими страхами, своими желаниями, своими требованиями. Ты мешаешь тем, что бежишь за яблоком, вместо того чтобы сидеть под деревом.

Когда ты перестаёшь мешать — мир начинает работать.

Итоговая формула

Фольган Штакетович написал на салфетке:

«Механизм падения яблок:

1.Перестань бежать.

2.Перестань просить.

3.Перестань бояться.

4.Просто сиди там, где ты есть.

5.Доверяй.

6.Не смотри на дерево — смотри на небо.

7.Когда яблоко упадёт, оно упадёт перед тобой. Даже если ты не смотрел.»

Он положил салфетку в папку. Рядом с историями о красном свете, о шкафе, о дожде, о резонансе, о фильтре «Зачем?» и о закрытой лестнице.

Потом взял яблоко, которое упало перед ним, пока он писал, и откусил ещё раз.

— Вкусное, — сказал он. — Особенно когда его не искал.

Механизм прост: перестань мешать. И мир начнёт давать тебе яблоки. Не потому что ты заслужил. А потому что ты перестал мешать.

Спокойно. Наслаждайтесь.

ФОЛЬГАН ШТАКЕТОВИЧ МОКРЫЙ И ИГРУШКА НАД КРОВАТКОЙ
(видение, пришедшее во время медитации и записанное сразу после пробуждения)

Глава первая. Медитация

Фольган Штакетович Мокрый лежал на диване. Тот самый диван, на котором он когда-то врезался головой в шкаф и увидел свет. Теперь он не врезался. Он просто лежал с закрытыми глазами. Мысли уходили. Одна за другой. Как общественный транспорт, который он перестал ждать.

И когда последняя мысль исчезла, он задал вопрос — Почему я всё ещё хочу то, что мне не нужно? И он увидел.

Не глазами. А в том месте, где прячутся сны, когда их не ждут.

Он увидел себя. Маленького. Лежащего в кровати. Над ним висела игрушка. Яркая, блестящая, движущаяся. Он тянулся к ней. Не потому что хотел её. А потому что она висела перед ним и отвлекала его от того, что он на самом деле хотел.

Он смотрел на себя со стороны и думал: «О чём я плакал? Я не помню. Я помню только, как тянулся к игрушке».

И в этот момент он понял.

Глава вторая. Откровение

Фольган Штакетович увидел, как работает физический мир.

Современные вещи — они как игрушки над кроватью. Они специально сделаны так, чтобы обманывать нас своим видом. Они подвешены над нами и вращаются, пока мы тянемся к ним. Они не дают нам плакать. Но они не дают нам быть сытыми.

Вместо того чтобы узнать, чего мы на самом деле хотим, мы берём игрушку. И успокаиваемся. На время.

Но через час мы снова плачем. И нам дают новую игрушку. И мы снова успокаиваемся. И так всю жизнь.

Самая большая проблема — не в игрушках. Они просто делают свою работу. Проблема — в нас. В нашей легковёрности. Мы продолжаем верить, что игрушка — это то, что нам нужно. Мы перестаём различать свои настоящие желания — и начинаем хотеть то, что нам предлагают.

Глава третья. Младенец и взрослый

Фольган Штакетович понял: он был этим младенцем. Всю жизнь он тянулся к игрушкам. Деньги, признание, одобрение, отношения, статус. Всё это — игрушки. Он брал их и успокаивался. Но через какое-то время снова плакал. И снова тянулся. Потому что он не получал того, чего на самом деле хотел. Он получал то, что ему подсовывали.

А потом он перестал верить в игрушки. И мир не рухнул. Мир просто стал тише.

Глава четвёртая. Тишина как реальность

Фольган Штакетович открыл глаза. Сел на диване. Мысли не возвращались. В голове было тихо. И в этой тишине он чувствовал не пустоту, а присутствие. Настоящее.

Он достал салфетку и написал:

*«Я увидел в медитации: я — младенец над которым висит игрушка.
Я тянусь к ней, но это не то, что мне нужно.
Это просто замена моим настоящим потребностям.
Игрушка не даёт мне то, что я хочу.
Она просто мешает мне помнить, чего я хочу.
Я перестал тянуться к игрушкам.
Я не хочу быть успокоенным.
Я хочу быть сытым.
А сытость — в тишине.*

В реальности.

В том, что остаётся, когда уходят все мысли.

И я перестаю быть младенцем, который тянется к погремушке, и становлюсь тем, кто просто — есть.»

Глава пятая. Итог

Фольган Штакетович положил салфетку в папку. Рядом с историями о красном свете, о дожде, о шкафе, о яблоках, о фильтре «Зачем?», о закрытой лестнице и о локомотиве.

Он вышел на балкон. Посмотрел вниз. Люди шли по своим делам. Они несли игрушки. Они тянулись к игрушкам. Они верили, что игрушки их спасут.

Фольган Штакетович не осуждал их. Он просто знал: игрушки не спасают. Они только успокаивают. На время.

А настоящее успокоение — в тишине. В отсутствии мыслей. В реальности, которая не требует ничего, кроме того, чтобы ты просто был.

Он вернулся в комнату. Сел на диван. Закрыв глаза.

Мысли не возвращались.

И это было хорошо.

Игрушка над кроватью — это не зло. Это просто ловушка. Вы можете тянуться к ней всю жизнь. А можете перестать и обнаружить, что вы уже сыты.

Спокойно. Наслаждайтесь.

ФОЛЬГАН ШТАКЕТОВИЧ МОКРЫЙ И ТРИ ВИДЕНИЯ ЗА ОДНО УТРО
(запись на салфетке, сделанная после того, как телефон перестал звонить, но образы остались)

Глава первая. Бигмак Гуляшевич Дыня и гладильная доска

В 7:30 утра Фольгану Штакетовичу позвонил Бигмак Гуляшевич Дыня. Разговор был по делу — уточняли про стратегический картофель, — но в конце Бигмак обронил:

— Стою, блин, бельё глажу.

Фольган Штакетович замер. Перед его глазами возникло видение. Яркое, цветное, как удар о шкаф. Бигмак Гуляшевич Дыня — мужчина с размашистой фигурой и густой бородой — стоял перед гладильной доской в розовых боксерах, белой майке и переднике с бантиком. На голове у него была сетчатая ночная шапочка для волос. Он методично водил утюгом по простыне, приговаривая «Ну, ты же моя хорошая».

Фольган Штакетович не выдержал. Они смеялись до слёз. Бигмак обиделся и положил трубку.

Но видение осталось. Оно въелось в кору головного мозга.

Глава вторая. Крым Иванович Наш и душ

В 8:00 раздался второй звонок. Крым Иванович Наш. Крым Иванович был известен своей привычкой звонить сразу после душа. Но в этот раз он сказал:

— Твоё сообщение вытащило меня из душа. Я ещё мокрый, шапочка на голове.

Фольган Штакетович закрыл глаза. И его посетило второе видение.

Крым Иванович Наш, человек средних лет с брюшком и хитрым прищуром, стоял за полупрозрачной занавеской. Из душа торчала только его голова в белой шапочке. Он прикрывался занавеской, как стыдливая дева. Одна рука сжимала край, вторая тянулась к телефону. Вода стекала по животу.

Фольган Штакетович расхохотался. Крым Иванович обиделся и положил трубку.

Видение осталось.

Глава третья. Клавдия Адольфовна Шульц и похотливые гаишники

В 8:30 пришло сообщение от Клавдии Адольфовны Шульц. Она была женщиной серьёзной, в возрасте, с чувством собственного достоинства и привычкой выражаться прямо.

В сообщении было написано:

— Фольган Штакетович, ты только представь решение суда до сих пор не пришло по почте и чувствую - гаишники могут схватить меня за попу.

Фольган Штакетович представил.

И третье видение было самым ярким.

Он увидел Клавдию Адольфовну, стоящую у обочины. Она была в строгом костюме, при галстук. Рядом с ней — патрульная машина. И два гаишника. Усатые, с погонами, с масляными глазами. Они кружили вокруг неё, как коты вокруг сметаны. Один из них, с фамилией на бейдже «Майор Забиякин», сделал шаг вперёд и плотоядно улыбнулся.

— Клавдия Адольфовна, — сказал он, — вы, конечно, не нарушали правил, но мы вынуждены вас досмотреть. В рамках профилактики. Руки за голову. И наклонитесь.

Она вскинула бровь.

— Молодой человек, вы что, собираетесь меня досматривать? Я старше вашей матери.

Майор Забиякин покраснел, но не отступил.

— Инструкция, Клавдия Адольфовна. Приходится. Ну, и за попу, если честно, — добавил он шёпотом, — больно уж хочется. Красивая попа, простите за откровенность.

Фольган Штакетович наблюдал эту сцену как кино. Он видел, как Клавдия Адольфовна наклонилась, как майор медлил, а напарник его уже фоткал. Как она резко выпрямилась и выдала майору пощёчину.

— Это тебе за попу, — сказала она. — А это за инструкцию.

Второй гаишник, лейтенант Коврижкин, попятился и споткнулся о бордюр. Майор держался за щёку.

— Вы пожалеете, — простонал он.

— Я уже жалею, — сказала Клавдия Адольфовна, — что вы вообще родились.

Она села в машину и уехала. А гаишники остались стоять, мокрые от пота и стыда.

Глава четвёртая. Итог

Фольган Штакетович открыл глаза. Телефон молчал. Три видения были записаны в памяти.

Он взял салфетку и написал:

«Утро началось с трёх звонков. Три человека дали мне три образа. Бигмак с утюгом, Крым Иванович в душе, Клавдия Адольфовна с гаишниками. Я не искал их. Они пришли сами, как яблоки. Я записал их, потому что это — тоже часть реальности. Иногда жизнь смешнее, чем я могу придумать. Спасибо им. И спасибо гаишникам, которые хоть кого-то пытаются взять за попу, кроме нарушителей.»

Он положил салфетку в папку. И пошёл заваривать чай.

В 8:45 телефон снова зазвонил. Фольган Штакетович посмотрел на экран. Звонил Бигмак. «Я снял шапочку и бантик с передника», — сказал он. Фольган Штакетович засмеялся.

Видений больше не было.

Утро начинается не с кофе, а с трёх звонков, которые могут подарить образы на целый день. Спокойно. Наслаждайтесь.

ФОЛЬГАН ШТАКЕТОВИЧ МОКРЫЙ И ВЕЧЕР, В КОТОРОМ ОН ПОНЯЛ, ЧЕГО ЕМУ НЕ ХВАТАЛО

(запись на салфетке, сделанная в тишине после заката)

Глава первая. Тишина, которая приходит не снаружи

Фольган Штакетович Мокрый сидел на кухне. Гражданка В застряла на работе. Дуся спала на диване, положив голову на его тапок. Велосипед с надписью KARMA стоял в комнате, но Фольган Штакетович не смотрел на него. Он смотрел в стену.

Не на стену — в неё.

Мысли уходили. Одна за другой. Как общественный транспорт, которые он перестал ждать. Он не прогонял их — они уходили сами.

И когда последняя мысль исчезла, Фольган Штакетович почувствовал: что-то есть. Не мысль. Не чувство. Не образ. Просто — присутствие.

Он не искал его. Оно пришло само.

И тогда он понял.

Глава вторая. Ощущение, которое не имело имени

Всю свою жизнь Фольган Штакетович чувствовал, что чего-то не хватает. Он не знал, чего именно. Но знал, что «что-то не так».

В детстве он думал, что это — игрушки. Он просил, ему давали — и чувство не уходило. В юности он думал, что это — признание. Он доказывал, ему аплодировали — и чувство не уходило. В зрелости он думал, что это — деньги, женщина, статус, свобода. Он получал всё — и чувство не уходило.

Он думал, что это — вина. Что он недостаточно старается. Недостаточно любит. Недостаточно верит.

Но в этот вечер, сидя на кухне, в тишине, он понял: чувство не было связано с тем, чего у него нет. Оно было связано с тем, что он считал себя отделённым.

От жизни. От людей. От себя настоящего.

Он достал салфетку и написал:

«Я всю жизнь думал, что мне чего-то не хватает. Я искал вовне. А нужного мне — не было снаружи. Оно было внутри. Я просто не знал, как его назвать.»

Несчастье — это не отсутствие вещей. Несчастье — это ощущение разделения. Двойственность. Когда я верю, что я — не целое. Что я — половина, которая ищет другую половину.

Но я не половина. Я — целое. Всегда был. Просто я забыл.»

Он перечитал и добавил:

«Ум ясного света — это не достижение. Это воспоминание. Я не становлюсь лучше — я перестаю мешать себе быть собой.»

Глава третья. Эхо в других

В тот же вечер Фольгану Штакетовичу позвонил Бигмак Гуляшевич Дыня.

— Фольган Штакетович, — сказал он, — я сижу и думаю. Деньги за мотоблок вернули, картошку я так и не посадил, жена недовольна. И я не понимаю, чего я хочу. Я хочу, чтобы было хорошо. Но я не знаю, что такое «хорошо».

Фольган Штакетович услышал в его голосе то же самое чувство. Ощущение, что чего-то не хватает. Только Бигмак называл это «недовольством жены» и «несвёрстанными планами».

— Бигмак, — сказал Фольган Штакетович, — ты ищешь вовне то, что у тебя уже есть внутри. Ты думаешь, что тебе нужна новая машина, новый мотоблок, новый картофель. А тебе нужна тишина. Чтобы услышать себя.

Бигмак помолчал и сказал:

— Ты думаешь, я могу просто сидеть и ничего не делать?

— Ты можешь просто сидеть и наблюдать, — сказал Фольган Штакетович. — Что будет происходить. Что ты чувствуешь. Без попытки это изменить.

Бигмак снова помолчал. Потом сказал:

— Я попробую.

И повесил трубку.

Глава четвёртая. Ночное прозрение

В 23:30 пришло сообщение от Клавдии Адольфовны Шульц:

«Фольган Штакетович, я сегодня смотрела на звёзды и почувствовала, что я маленькая и ничтожная. И что всё, что я делаю, — не имеет смысла. Это нормально?»

Фольган Штакетович прочитал. Улыбнулся. И ответил:

«Это нормально. Это значит, что ты перестала отождествляться с тем, что ты делаешь. И начала замечать, кто ты есть на самом деле. Побудь в этом состоянии. Не пытайся избавиться от него. Оно — ключ.»

Через час она ответила:

«Я перестала бояться. Спасибо.»

Глава пятая. Запись на последней салфетке

Фольган Штакетович взял новую салфетку. На ней уже не помещалось всё, что он хотел записать. Но он всё равно написал:

«Я понял сегодня главное. Несчастье — это не ошибка, не проклятие, не наказание. Это напоминание. Когда я чувствую, что "что-то не так" — я просто вспоминаю, что я отождествился с формой и забыл о свете внутри.

Двойственность — это когда я верю, что я — это тело, ум, роли, история. А я — не это. Я — то, что смотрит на всё это.

Ум ясного света — не за горами. Он здесь. Всегда. Просто я редко замечаю его, потому что занят поиском того, чего мне "не хватает".

Мне не хватает только одного: напоминания о том, что я уже целый.»

Он положил салфетку в папку. Рядом с историей о красном свете, о локомотиве, о лестнице, о яблоках, о деньгах, о трёх состояниях.

Потом встал. Посмотрел на Дусю. Она спала и во сне бежала за чем-то.

Фольган Штакетович улыбнулся.

— Мы все бежим, — сказал он тихо. — Даже во сне. Но когда просыпаемся — мы просто есть.

Он закрыл глаза. И в темноте, за веками, он увидел свет. Не яркий, не ослепляющий. Просто — ровный, тёплый, спокойный.

Он не искал его. Он просто позволил ему быть.

Несчастье — это не враг. Это указатель. Когда ты чувствуешь, что чего-то не хватает — не ищи вовне. Остановись. Войди в тишину. И ты увидишь: тебе не хватало только одного — напоминания о том, что ты уже целый.

Спокойно. Наслаждайтесь.

ФОЛЬГАН ШТАКЕТОВИЧ МОКРЫЙ И МАГАЗИН, В КОТОРОМ ОН НИЧЕГО НЕ ЗАХОТЕЛ

(запись на салфетке, сделанная после того, как он забыл кошелёк и понял, что это не случайность)

Фольган Штакетович вышел из дома. Надо было купить хлеба. И молока. И, может быть, яблок — хотя яблоки уже давно падали сами, но в магазине они лежали ровными рядами, и это было по-своему красиво.

Он зашёл в 34-й дом. Трёхэтажный. На первом этаже — магазин. Тот самый, в котором он когда-то покупал треугольнички. У прилавка стояла та же продавщица. Та же. С четвёртым размером груди. Фольган Штакетович заметил это сразу — не потому что он был похотливым, а потому что число 34 уже стало частью его карты мира.

Он посмотрел на бейджик. На нём было написано «ОПАНА».

«Наверное, опечатка, — подумал Фольган. — Или Вселенная решила, что "Опана" — это лучший ответ на любой вопрос. Опана — и всё тут». Он не стал спорить. Он вообще перестал спорить с вывесками.

Он подошёл к полке, взял хлеб, протянул руку в карман за кошельком — и понял, что забыл его дома.

Старый Фольган Штакетович развернулся бы и пошёл домой, ругая себя за рассеянность, чувствуя лёгкий укол стыда и раздражения. Но новый Фольган Штакетович просто улыбнулся. Он понял: забывчивость — это не случайность. Это продолжение обучения. Вселенная снова даёт ему знак. Тихая проверка, без громких звуков, как и всё настоящее.

Он остался стоять у полки. И начал смотреть.

Вокруг были яркие, вкусные, разноцветные коробочки, баночки, упаковки. Всё кричало: *«Купи меня! Съешь меня! Я сделаю тебя счастливым! Я заполню твою пустоту!»* Раньше эти коробочки гипнотизировали его. Раньше он смотрел на них и чувствовал: *«Я хочу. Мне нужно. Мне чего-то не хватает».*

А сейчас он смотрел на них и чувствовал абсолютную, кристальную тишину желания. Ему не было нужно ничего из этого. Ни одной коробочки. Ни одной баночки. Он смотрел на этот праздник цвета и вкуса как Наблюдатель, который зашёл в декорации и понял, что они нарисованы на картоне.

И тут его осенило.

Он знал это чувство. Это чувство «у меня всё есть и мне ничего не нужно».

Раньше оно приходило к нему только тогда, когда карманы были набиты деньгами. Когда в бумажнике шуршало, он чувствовал себя сытым, довольным, защищённым и ничего не хотел. Деньги были его анестезией от голода.

А сейчас карман был пуст. Кошелька вообще не было. Но чувство было точно таким же.

- Абсолютная сытость без еды.
- Абсолютное богатство без денег.
- Абсолютная наполненность без внешних наполнителей.

Состояние целостности, которое больше не зависит от толщины кошелька. Оно просто переехало из кармана в душу. И теперь его нельзя было забыть дома, потому что оно всегда было при нём.

Фольган Штакетович посмотрел на Опану. Она ждала, что он положит хлеб обратно или побежит домой за кошельком.

— Я забыл кошелёк, — сказал Фольган Штакетович. — Но спасибо.

— За что? — удивилась Опана.

— За то, что напомнила, — сказал Фольган Штакетович .

Он развернулся и пошёл к выходу. Мимо ярких коробочек. Мимо четвёртого размера. Мимо бегущих людей.

Он шёл домой. У него не было хлеба. У него не было денег. Но он шёл с ощущением человека, который только что купил весь этот магазин. И даже больше.

Послесловие. Запись на салфетке

Фольган Штакетович Мокрый достал салфетку и написал:

«Я забыл кошелёк. Я зашёл в магазин. Я смотрел на полки и ничего не захотел.

Раньше я мог чувствовать, что мне ничего не нужно, только когда у меня были полные карманы денег. Это было состояние "я могу купить всё, но мне не надо".

А теперь я чувствую то же самое — без денег. Без кошелька. Без возможности что-либо купить.

Состояние то же. Только без денег.

Я не хотел ни хлеба, ни молока, ни яблок. Я не хотел её. Не потому что она плохая. А потому что я перестал искать в вещах и в женщинах то, что есть внутри меня.

Я не знаю, как это назвать. Я просто чувствую.

Может быть, это и есть то, что раньше было скрыто за деньгами. А теперь стало явным.

Мне ничего не нужно. Не потому что я могу всё купить. А потому что я уже есть. Раньше я думал, что сытость — это когда полон желудок или полон кошелёк. Я менял бумагу на еду, чтобы заглушить внутренний голод. Но сегодня я понял: настоящее богатство — это когда ты стоишь перед полкой с яркими коробочками, у тебя пустые карманы, а тебе ничего не нужно.

Это то же самое чувство, что было у меня, когда у меня было много денег. Только теперь оно без денег. Оно без условий. Я больше не покупаю сытость. Я просто ею являюсь.»

Он сложил салфетку и положил в папку для исписанных салфеток. Рядом с записями о красном свете, о лифте, о трёх вечерах и о зелёном свете.

Хлеба не было. Но ему не хотелось хлеба.

Ему хотелось просто — быть.

Пустой кошелёк лежал на кухонном столе.

Он не искал.

Он просто знал: он уже дома. Даже без хлеба.

Состояние, которое раньше требовало денег, теперь не требует ничего. Это не потеря. Это — переход. Ты уже сыт. Просто иногда забываешь. А потом вспоминаешь. И это — нормально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.